

Приходько Евгения Анатольевна, Лебедева Светлана Орестовна

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

В статье рассматривается понятие "историческая память" как сохранение, присутствие в сознании и в культурных памятниках определенной группы воспоминаний о некоторых явлениях - событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы. Историческое сознание не исчерпывается объяснением прошлого: ведь оно только грань исторического сознания, концептуализирующего связь между всеми тремя модальностями времени: прошлым, настоящим, будущим.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2010/1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). С. 132-135. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2010/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–2306. Оп. 69. Д. 760.
3. Там же. Ф. Р.–5407. Оп. 2. Д. 35. Л. 89.
4. Там же. Д. 46. Л. 25.
5. Там же. Д. 129. Л. 2.
6. Там же. Оп. 33. Д. 262. Л. 64.
7. Там же. Ф. Р.–8326. Оп. 2. Д. 12. Л. 46.
8. Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – 1930-х годах: документированная история. М.: Росспэн, 2009. 159 с.
9. Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах: стат. сб. М.: Госстатиздат, 1957. 370 с.
10. Кациграс А. Кино-работа в деревне. М.: Кинопечать, 1928. 128 с.
11. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р–17. Оп. 33. Д. 262. Л. 64.
12. Там же. Оп. 85. Д. 26. Л. 76.
13. Самарский областной Государственный архив социально-политической истории. Ф. Р–655. Оп. 5. Д. 721. Л. 7.
14. Ченская Т. В. Культурная политика советского государства в российской деревне в 1926-1932 гг. Орел, 2007. 211 с.

THE INFLUENCE OF THE PROVISION OF RADIO AND FILM-SHOWING FACILITIES ON THE SOCIOCULTURAL IMAGE OF MIDDLE POVOLZHYE PEASANTRY (1921-1929)

Ludmila Yuryevna Polyanskova

*Department of History and Law
Penza State Pedagogical University
milapgpu@mail.ru*

The realization of the soviet policy of the provision of radio and film-showing facilities in the villages during New Economic Policy by the example of Middle Povolzhye province and its influence on the sociocultural image of this region peasantry are considered.

Key words and phrases: peasantry; New Economic Policy; sociocultural image.

УДК 130.3

В статье рассматривается понятие «историческая память» как сохранение, присутствие в сознании и в культурных памятниках определенной группы воспоминаний о некоторых явлениях – событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы. Историческое сознание не исчерпывается объяснением прошлого: ведь оно только грань исторического сознания, концептуализирующего связь между всеми тремя модальностями времени: прошлым, настоящим, будущим.

Ключевые слова и фразы: историческая память; историческое время; историческое сознание.

Евгения Анатольевна Приходько, Светлана Орестовна Лебедева

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

*Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского технического университета
vs@volpi.ru*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ®

Хорошо известно стремление людей извлечь определенный опыт из прошлого, как и противоречивость и неоднозначность таких попыток. Это дало возможность Гегелю утверждать, что история ничему не учит, так как государственным лицам, для которых такой опыт был бы особо полезным, в действительности приходится принимать решения в ситуациях, редко повторяющих историческое прошлое. Многие историки, например, В. Ключевский по этому поводу замечал, что история действительно не учит тех, кто у нее не учится, а проучивает их за невежество и пренебрежение: ведь не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Кто действует помимо и вопреки истории, тот всегда, в конце концов, жалеет о своем отношении к ней, поскольку история учит не тому, как жить по ней, а как учиться у нее. Этим история схожа с властью: когда людям хорошо, они забывают о ней, приписывая своё благоденствие самим себе; но когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость.

Во всяком случае, скепсис XIX века в отношении истории как праздной забавы или пропаганды (политики), обращенной в прошлое, вряд ли оправдан. Столь же важно видеть, что история также не сводится к функции времени, выделяющему в своем течении энергию, необходимую для исторических свершений.

Исторические процессы действительно движутся во времени, но по своей природе они энтропийны и инерционны, следовательно, возникают не благодаря времени, а вопреки ему. Если это так, то история - это борьба со временем, антиэнтропийный процесс, противостоящий энтропии Вселенной. Энергия, аккумулированная в силовых импульсах, ускоряющих движение жизни, спасает Космос от превращения в Хаос. Рост упорядоченности, воплощаемый в многообразных формах (в том числе и личностях, каждая из которых неповторима), ведет к отделению пространства от времени, что на уровне сознания воспринимается как смерть. В известном смысле это победа энтропии - исчезновение времени. Но поскольку все организмы биосферы связаны друг с другом, эта частичная потеря перекрывается возникновением памяти. Это уже преграда энтропии сознания, а не бытия, ибо память делит время на прошлое, настоящее и будущее.

Концептуально этот процесс отражен в учении А. Бергсона о длительности. Взаимообусловленность длительности и памяти помогает "снять" односторонность предшествующих и взаимоисключающих определений памяти. Так, механицисты определяли память как всеобщую функцию организованной материи, между тем как трансценденталисты – как «воспроизведение образа со знаком прошлого», т.е. одни сводили ее к настоящему, а другие – игнорировали ее актуальность. Во всем многообразии проявлений памяти А. Бергсон выделил три ее вида:

- «память материи» - такова геологическая летопись Земли, распрямление сжатой пружины и т.п.;
- «память-след» - материальные следы действия стихийных или сознательных сил, памятники материальных культур и др.;
- «память-длительность» - последовательность и обратная связь актов и образов сознания в ее взаимодействии с реальностью.

В отношении последнего вида А. Бергсон подчеркивал, что применительно к культурно-историческим изменениям длительность модифицируется в память. В этом смысле память – это такое сущностное свойство изменения, которое связывает моменты «перед» и «после», не позволяя им быть только чистыми мгновениями, появляющимися и исчезающим в виде постоянно возобновляющегося настоящего.

Это значит, что время не проходит бесследно ни для объективного, ни для субъективного мира, тем более что последний связан с активностью живого сознательного существа. Следы времени мы обнаруживаем не только во внешних проявлениях, но и продвигаясь в глубину вещи, погружаясь в ее длительность (таковы в истории социума – письменные источники, в истории сознания – архетипы). Таким образом, двигаясь постоянно во времени, сознание испытывает воздействие памяти, которое выталкивает что-то из прошлого в настоящее. Вследствие этого сознание как бы разрастается длительностью наподобие катящегося снежного кома. Такое сохранение прошлого в настоящем обуславливает постоянные изменения, усиливающие и актуализирующие значение памяти и его влияние на время.

В непосредственном смысле понятие «историческая память» означает, что определенная группа сохраняет присутствующие в ее сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях – событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы. Прошлое, к которому эти воспоминания относятся, может быть более или менее отдаленным. Воспоминания о нем передаются через устную/письменную традицию и могут быть облечены в форму мифов, могут быть идеализированными или представлять точное описание. Сегодня это происходит путем обучения или воздействием каналов массовой информации.

Необходимо видеть, что историческая память (как и всякая память) выборочна: она оперирует иерархией фактов, выделяя одни и передавая забвению другие. Потому говорить об исторической памяти – значит говорить и о забвении. Но, в целом, народ без исторической памяти утратил бы свою идентичность. А интегральная, невыборочная память породила бы бесформенную магму воспоминаний, которая стала бы препятствием к осознанию идентичности. Таким образом, отбор в каком-то смысле есть всегда естественный процесс памяти. Но это, конечно, не оправдание любого забвения. Причины забвения различны: ввиду невыносимости их для исторического сознания, вследствие чрезмерной их оскорбительности, вследствие чувства вины. Но то, что отвергается, в конечном счете, возвращается и зачастую резко и грубо. Принять свое прошлое, но так, чтобы оно не парализовало – трудная задача для исторического сознания, но необходимая. Конечно, искажение прошлого может быть результатом решений политической власти, но такое искажение равносильно лжи, и со временем правда неизбежно всплывает.

Нам хорошо известно, насколько исторические реминисценции зависят от интерпретации: прошлое как источник осмысления присутствует и живет в нас в той мере, в какой мы ее принимаем, понимаем и усваиваем. На уровне же общности обычно наблюдается постепенное складывание консенсуса в отношении смысла нашего прошлого, обусловленного современной идентичностью.

Дело в том, что историческое время связано с культурно-исторической памятью человечества посредством процесса переработки и усвоения информации. Связь энтропии, памяти, человечества и времени имеет следующую особенность: с возрастанием плотности информации изменяется и характер протекания времени. В ходе познания в памяти откладывается и конденсируется все больше информации, для получения которой в дальнейшем человечеству уже не требуется время. Поэтому вследствие изменения временных характеристик энтропия убывает. Если календарное время благодаря природным циклам и ритмам течет равномерно, то время познания, наоборот, движется неравномерно благодаря памяти, конденсирующей информацию и этим сокращающей время, необходимое для ее добывания.

Другими словами, по мере роста объема информации время замедляется. Значит, можно в одно и то же время воспроизвести в памяти все больше и больше информации. Следовательно, по мере конденсации информации время замедляется. Как видим, с накоплением от эпохи к эпохе культурно-исторического опыта течение времени «замедляется» (с точки зрения освоения и переработки этого опыта): за один и тот же отрезок календарного времени люди современной эпохи «проживают» гораздо больше, чем столетие назад.

Не только обеспечивая, но и ускоряя процесс преемственности исторического развития, историческая память обуславливает формирование, функционирование и интенсивность исторического сознания. Ведь только изучая прошлое, проверяя возможные варианты и уточняя прогнозы (поскольку число вариантов всегда ограничено), можно предсказать черты будущего. Хорошее знание достаточно большого числа соответствующих ситуаций в прошлом позволяет строить наиболее вероятные, а потому практически верные прогнозы. Таким образом, познанное прошлое воплощается в настоящее.

В потоках информации, циркулирующей в системе общества, наряду с текущей функциональной информацией необходимо видеть также информацию долговременную, историческую, которая освещает экзистенциальный смысл общества, поскольку в этой, исторической информации совмещены все три временные проекции социума: его родовое Прошлое (генезис); видовое Настоящее (современность); незрелое Будущее (явное/неявное целеполагание). Очевидно, что ответы на эти «вечные вопросы» наполняют смыслом и текущую информацию, образующую общественную жизнь.

Таким образом, мы видим, что историческое сознание не сводится к исторической памяти, ибо охватывает не только опыт прошлого. В этом своем качестве оно выступает как фундаментальная мировоззренческая характеристика культуры любой эпохи потому, что, во-первых, сама культура является продуктом истории; во-вторых, в силу того, что определенность всякой эпохи формируется одновременно с социальной практикой и складывающимся на ее основе историческим опытом. Следовательно, возникновение и развитие исторического сознания отражает становление различия и связи времен в материальной и духовной культуре любой человеческой общности, обеспечивает историческую устойчивость носителя этой культуры.

Возникнув на заре цивилизации, это сознание со временем видоизменяется настолько, что его «предельные» значения внешне предстают как антиподы, т.е. как сознание неисторическое (например, миф) и как историческое. Но в своей глубинной подоснове эти формы экзистенциального сознания человека воплощают в действительности начальную и «конечную» ступени развития историзма.

Здесь, однако, скрывается реальная проблема восприятия и осмысления времени человеческим сознанием. Парадоксальный факт, но вплоть до Ренессанса человек европейской культуры, уже обладающей огромной историографической традицией, по сути, боялся оставаться с текущей историей «наедине». Отсюда – поразительная степень обращенности мифологической формы исторического сознания к первоначалам, что сочеталось с отсутствием малейшего представления о генезисе как процессе возникновения, становления. Миф здесь выступает в качестве «священной истории народов». Космические силы в лице божеств определяют сценарий событий и вмешиваются в течение дел человека. Поэтому мифологическое время – это время одномоментное, не связанное ни с прошлым, ни с будущим, оно не из чего не вытекает и ни во что не выливается, т.е. это время вне потока времени. Здесь архетипы (первозданные начала), первозданный мир природы, первозданные люди, ситуации и т.д., носят печать божественности, которая «стирается», подвергается «порче». Но чудесное вторжение свыше периодически возвращает творения в изначальное состояние.

Космизм такого сознания обуславливал циклическое восприятие времени, выраженное в идее «вечного возвращения». В ней, с одной стороны, утверждалось вечное повторение того, что однажды уже имело место, а с другой (поскольку время – синоним «порчи») – Вселенная периодически освобождалась от «накопившегося времени», т.е. «порчи», и снова и снова оказывалась только на пороге времени. Таким образом, ещё на заре цивилизации человек ощущал острую необходимость в ретроспективе в «историческом пространстве», обнаруживая этим свою, пусть ещё совершенно неразвитую историческую природу. Идея «вечного возвращения» долгое время служила «спасательным» психологическим прибежищем человека от угрозы перемен к худшему, заключенной в потоке времени, ибо сакральное начало всегда находилось рядом, т.е. жило в мифе. Суть возможных ответов на вызов, бросаемый человеку всё разрушаемым временем, сводилась, в конечном счете, к альтернативе: либо воспринимать текущее сквозь призму изначального «пробраза» (архетипа), либо осмысливать его в соотнесённости с видением грядущего – мистического или рационально-утопического (т.е. эсхатологически или телеологически). Уйти от этого выбора человеку не было дано, пока окружающий его мир не признавался определённым образом организованным и, следовательно, предсказуемым.

Последнее стало реальностью только в Новое время с утверждением рационалистической парадигмы, выраженной в следующей форме: всё естественное имеет естественную причину. Только тогда стало возможным убрать из истории всё надисторическое и все внеисторические «силы», ибо открылась возможность и необходимость поиска «пружин» и «порядка» в ходе истории и в ней самой.

Итак, можно заключить, что в целом система мировоззренческих и ценностных ориентаций неявным образом обуславливает в каждой социальной среде тип, характер и способ исторических объяснений, ибо прошлое становится историей для данной культуры лишь постольку, поскольку оно для неё объяснимо (предел горизонта) и поскольку прошлое выступает для неё как её собственное прошлое (предел целесообразности).

В результате историческое сознание является в одно и то же время и измерением типа культуры, и фактором самой истории. Поэтому историческое сознание не исчерпывается объяснением прошлого: ведь оно только грань исторического сознания, концептуализирующей связь между всеми тремя модальностями времени: прошлым, настоящим, будущим. Стержнем же исторического сознания во все времена являлось историческое настоящее как сущее, которое никогда не сможет быть познано без обращения к прошлому и, в равной мере – без обращения к будущему, т.е. к элементам будущего в настоящем.

Список литературы

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2006.
2. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая новейшая история. 2000. № 4.

HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Yevgueniya Anatolyevna Prihodko, Svetlana Orestovna Lebedeva

*Department of Social Sciences
Volzhsk Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd Technical University
vsg@volpi.ru*

In the article the notion “historical memory” is considered as keeping and presentin the definite group of recollections about some events which have the identity and fate of the memory in consciousness and in the cultural monuments. Historical consciousness is not exhausted by the explanation of the past as it is only one side of historical consciousness conceptualizing the connection between all three time modalities: past, present, future.

Key words and phrases: historical memory; historical time; historical consciousness.

УДК 369

В работе анализируются некоторые особенности правового регулирования процесса формирования системы социального обеспечения России, в период «военного коммунизма» (1918–1920 гг.). Рассмотрены основные нормативно-правовые акты, составлявшие правовую основу этой системы.

Ключевые слова и фразы: программа рабочего страхования; социальное страхование; социальное обеспечение; натурализация соцобеспечения; «военный коммунизм».

Борис Евгеньевич Рошин

*Кафедра гражданского права и государственного управления
Костромской государственной академии права и администрации
pravoborise@mail.ru*

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД
С 1918–1920 ГГ.: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ®**

В современных кризисных условиях российского общества наблюдается резкое обострение основных социальных проблем (особенно в социально-трудовой сфере). «Очевидно, что проблемы правового регулирования социально-обеспечительных отношений затрагивают в той или иной мере права и интересы практически всех граждан. Они тесно интегрированы с вопросами экономики, политики, социальной сферы, культуры, религии, демографии... Конечно, любая отрасль права отражает различные стороны общественных отношений, но право социального обеспечения «встроено», органически включено в их совокупность» [3, с. 7]. Современное российское право социального обеспечения возникло не на пустом месте. Данное правовое явление прошло свой особый эволюционный путь. Выделившись (в середине XX века) в самостоятельную отрасль права, науку и учебную дисциплину, (из системы отечественного трудового права) право социального обеспечения продолжает свое развитие в современных исторических условиях. Тем не менее зачатки формирования некоторых основных идей и правовых конструкций современного права социального обеспечения (принципы, институты, подинституты и т.п.) уходят своими корнями в историческое прошлое, опыт которого необходимо изучать для глубокого понимания и объективной оценки определенных социальных явлений, а так же учитывать для эффективного решения актуальных проблем современности.